

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Живая любовь

Жизнь после смерти

Если верить воспоминаниям моей матери, то я родился мёртвым... По крайней мере, не подавал никаких признаков жизни. Принимавшая роды акушерка, специалист своего дела, тотчас взяла меня за ноги и, подняв над больничной кроватью лицом вниз, стала хлестать по пяткам до тех пор, пока я как оглашённый не закричал. Врач, проходивший по коридору мимо палаты, на крик заглянул в дверной проём и озабоченно спросил акушерку: всё ли в порядке? Она утвердительно ответила: «В порядке, в порядке», — и, завернув меня в пелёнки, передала в руки онемевшей матери... Размышляя над своим рождением, я с годами всё чаще мучительно думаю: а ведь мог и не ожить. И если бы так на самом деле случилось, то вообще бы не удалось узнать, чем всё-таки для человека является жизнь... А это значит, что, несмотря на частые предательства любви, я бы не молил Господа послать мне новую, может быть, ещё более тяжёлую, мучительную, но живую любовь, — ибо только с ней каждому дано свихнуть, как речному песку замутнённую воду, очистить до свечения души от накипи всевозможных обид и потерь. Очистить, чтобы потом попытаться проникнуть в таинства ления птиц, журчания ручья и грохота срывающегося со скалы в пропасть громадного водопада. Перечислять можно долго, от этой жизни только покажется ещё многогранней, а, значит, и ещё прекрасней!

Но главное — я бы никогда не узнал, что такое смерть!.. А это я узнал, когда с сердечным приступом попал в реанимационную палату, где, подключённый ко всевозможной медицинской аппаратуре, поддерживающей во мне медленно угасающую жизнь, почувствовал, как дневной свет гаснет перед глазами, только и успел сказать сидящему напротив моей кровати дежурному врачу: мне плохо, доктор! — как враз погрузился в непроглядную, немую темноту. Не знаю точно, сколько времени провёл в смерти, пока благодаря быстрой врачебной помощи не увидел разрезающую тьму, толщину не больше человеческого волоса, бледную полоску света, которая медленно, но всё ярче и ярче разгораясь, спасительно для меня обратилась в поток света, льющегося в глаза.

Не буду скрывать, что порой, в конце измученной борьбы с окаянными врагами и тяжкими недугами,

я мечтал свести счёты с жизнью в надежде попасть в рай... Но, побывав в объятиях смерти, ничего, кроме непроглядного мрака, там не увидел. Может, не успел? Ведь душа ещё не вознеслась на небеса, чтоб стать звездой. Но после этого я совсем иначе стал относиться к жизни. Теперь живу так упоённо, с таким размахом души, что иногда кажусь себе якутским стерхом, гордо парящим над всем земным миром, в небесных вихлях распластав со всей мощью и во всю ширь свои могучие крылья... Прекрасно, удивительно и страшно, ведь я — один из тех немногих, кто получил право говорить: смерть научила меня жизни!

Зов вечной любви

На дворе конец апреля. Самое время повсеместно тающим снегу горловыми ручьями сбегать в большие и малые реки, а на пригретых ярким весенним солнцем бургах расцветать подснежникам... Но в этот год матушка зима не торопилась сдавать свои права голубоглазой красавице весне. Знаменитый пушкинский десятиградусный мороз всё ещё трещал в аллеях и парках не только по утрам, но и днём. Небо было сплошь затянуто свинцовыми, тяжёлыми тучами-облаками, в которых, правда, когда дул с севера сильный ветер, образовывались воздушные прогалы, и из них выглядывало солнце, проливая на землю золотые реки горячих лучей... Тогда от городских каменных домов на улицы ложилась широкая тень, и, словно по мановению волшебной палочки, в парках появлялись птицы и начинали распевать на все слухозвучные голоса.

После рабочего дня, в сгущающихся над городом сумерках я, пройдя пешком свои ежедневные десять километров, вернулся домой. За почти полуторачасовой отрезок времени, проведённый в дороге, поглощающие меня целиком писательские заботы отодвинулись на второй план, но им на смену пришли горькие, мучительные мысли о любимой. Чтобы как-то избавиться от них, раздевшись, я не стал ужинать, а сразу прошёл в рабочий кабинет, где сел за письменный стол и стал сочинять стихи. Но, как я не бился над словами, они, обычно верные мне, никак не ложились в строки. В конце концов, резким нажатием

кнопки выключил компьютер. Кабинет тотчас погрузился в темноту. Привычно закинув руки за голову и облокотившись на спинку кресла, я широко открытыми глазами уставился в еле различаемый в тьме побелённый потолок и стал думать о своей любви. Ну почему вновь и вновь в отношениях с любимой наступаю на одни и те же грабли?

Вот и в этот раз, когда она вдруг что-то раздражённо сказала, я, вместо того чтобы промолчать, наоборот, ответил так грубо, с таким вызовом, что любимая сначала опешила, какое-то время молча смотрела на меня, потом подбородок у неё нервно задрожал, на глаза навернулись обидные слёзы; и она, видимо, чтобы не разрыдаться при мне, сдержанно с вешалки пальто и, хлопнув дверью, вышла на лестничную площадку.

Не знаю почему, но я не бросился вслед за ней и продолжал, как вкопанный, стоять. Мысли сожаления о содеянном вихрем пронеслись в моей непутёвой головке. Понимая, что уже вряд ли найду её в вечерней уличной темноте, подошёл к окну и, выглянув во двор, увидел, как быстрыми-быстрыми шагами, можно сказать бегом, на ходу не послушными от волнения руками застигивая пуговицы, любимая пересекла двор и направилась в сторону сверкающей разноцветными огнями станции метро...

Когда это случилось? Месяц, неделю назад? Нет, только вчера... Вчера, а я уже так измучился, тоскуя по милому, родному голосу, по дорогим, огромным,

как озёра, красивым и часто немного грустным глазам... Я, мужчина, но автор был плакать, как ребёнок... Стало трудно дышать, — подойдя к окну, резко открыл форточку. Свежий, морозный воздух ворвался в кабинет с такой силой, что входная дверь открылась нарпапку. Я машинально повернулся к двери и — замер: освещённая светом, льющимся в квартиру с лестничной площадки, в дверном проёме стояла моя любимая. Как бывает у людей, не спавших ночь напролёт, вокруг её глаз лежали синие, глубокие тени, делающие их, как ни странно, ещё прекрасней...

«Вернулась!» — воскликнул я начинающей оживать душой и, не дожидаясь, когда она переступит порог, первым бросился навстречу. Сильно, но нежно и страстно обнял любимую за хрупкие, подвешенные узкие плечи, прижал к своей широкой груди и стал горячими поцелуями покрывать её лицо: глаза, щёки, губы, повторяя и повторяя, как заклятие: прости, прости, прости!.. И тут сжатая до предела пружина души любимой распустилась, и она тихо-тихо, как бы про себя, заплакала... Заплакала и я... Наши слёзы, стекая по горячим щекам, смешивались в своей горечи, но поцелуи были по-прежнему сладкими... Потом я взял руки любимой в свои и стал упоённо целовать, пока наконец не решился произнести то, что должен был сказать с самого начала её возвращения, а именно: люблю больше жизни, как никто на свете, люблю...

Дверь оставалась распахнутой, холодный воздух, врываясь через форточку, сквозняком гулял по всей квартире... Если бы он был живой, о нём можно было бы сказать: хозяин. Но живыми были мы — настоящие хозяева нашей

беспокоит Сергей, художник. Помните такого?

— Здравствуй, Сергей! Конечно же! Я помню всех художников, с которыми сотрудничал. Помню так хорошо, что если бы ты даже не представился, то я бы всё равно по голосу узнал тебя. Но что случилось?

— Я послал по интернету на ваш адрес свои последние работы: пейзаж и историческую картину времён наполеоновского нашествия... Посмотрите, пожалуйста, и если вас не затруднит, то выскажите своё мнение, оно очень для меня важно!

Получил довольно быстро — для работы наших аэропортов — свой багаж, где ценность для меня в основном представляли лишь рукописи новых художественных произведений, я на служебной машине без всяких дорожных приключений, без многокилометровых пробок, ставших горькой реальностью современного прогресса и головоутомлением руководителей дорожных служб, добрался до дома. Встретить меня на лестничную площадку вышла вся семья без исключения, в том числе и английской породы домашняя собачка по кличке Даф. После того как бурная радость встречи немного улеглась, я раздал всем членам семьи подарки, поужинал и ушёл в рабочий кабинет. Включил компьютер, среди множества сообщений от художников, друзей и просто хороших знакомых, отыскал послание художника Сергея.

Пейзаж оказался очень хорошо выполненной с технической стороны, но художественно довольно скучной работой. Историческая, небольшого разме-

взбалмошной, но прекрасной любви. И совсем неважно, кто первый откликнулся на её зов. Важно то, что мы снова, как в светлой юности, были повесенному счастью.

— Сергей! — я посмотрел твои новые работы и, как ты просил, готов высказать по ним своё мнение.

— Слушаю вас, Иван Иванович.

— Во-первых, о пейзаже: я как-то говорил тебе, что нет смысла просто копировать природу, это в наши дни удел фотохудожников... Увидел понравившийся уголок природы, сфотографировал его на плёнку, сделал нужные раз-

Свет и цвет

два самолёт приземлился в аэропорту «Шереметьево» и стюардесса любезно разрешила пользоваться электронными средствами связи, мой мобильник зазвонил:

— Иван Иванович, здравствуйте! Это вас

копирует Сергей, художник. Помните такого? — Здравствуй, Сергей! Конечно же! Я помню всех художников, с которыми сотрудничал. Помню так хорошо, что если бы ты даже не представился, то я бы всё равно по голосу узнал тебя. Но что случилось?

— Я послал по интернету на ваш адрес свои последние работы: пейзаж и историческую картину времён наполеоновского нашествия... Посмотрите, пожалуйста, и если вас не затруднит, то выскажите своё мнение, оно очень для меня важно!

Получил довольно быстро — для работы наших аэропортов — свой багаж, где ценность для меня в основном представляли лишь рукописи новых художественных произведений, я на служебной машине без всяких дорожных приключений, без многокилометровых пробок, ставших горькой реальностью современного прогресса и головоутомлением руководителей дорожных служб, добрался до дома. Встретить меня на лестничную площадку вышла вся семья без исключения, в том числе и английской породы домашняя собачка по кличке Даф. После того как бурная радость встречи немного улеглась, я раздал всем членам семьи подарки, поужинал и ушёл в рабочий кабинет. Включил компьютер, среди множества сообщений от художников, друзей и просто хороших знакомых, отыскал послание художника Сергея.

Пейзаж оказался очень хорошо выполненной с технической стороны, но художественно довольно скучной работой. Историческая, небольшого разме-

— Живь, ты только на первый взгляд кажешься простой... Но чем больше в тебя вростаешь, «как эти листья в глубину», каждой клеточкой своей души, тем всё больше и больше понимаешь, насколько ты многообразна! И только тот творец, неважно — кисти или слова, кому удастся выразить тебя во всех твоих проявлениях, вправе сказать о себе: я — гений!

обзоры ОЛГ

Идущие вслед...

В издательстве «У Никитских ворот» в серии «Поэзия и проза: XXI век / Идущие вслед» вышли книги начинающих авторов, участников I Международного совещания молодых писателей в Перелётной: Дмитрия Ханина, Сергея Бударина, Юлии Зачёсовой, Дмитрия Щёлокова и Рустема Галиуллина

Книги подготовлены Главной редакцией литературных приложений МСПС и книг под руководством главного редактора И. Николёно. Издание осуществлено при финансовой поддержке Международного Литературного фонда — организации, которая всегда помогает юным талантам. Ведь авторы, которые сейчас пробуют себя в стихах или в прозе, в будущем могут стать выдающимися писателями, и поэтому задача таких организаций, как Международный Литфонд и Международное сообщество писательских союзов, — всячески поддерживать молодые таланты, оказывать им помощь, открывать дорогу в большую литературу. Помимо выпуска книг, МСПС и МЛФ способствовали публикации произведений участников совещания в ведущих литературных газетах и журналах; вышел «Вестник МСПС», посвящённый совещанию, талантливые молодые авторы были приняты в творческие союзы России и зарубежья.

Выход новой книги — всегда радостное событие, а для начинающего писателя — радостное вдвойне. Наконец его услышали, заметили, издали, и не где-нибудь, а в российской столице! К сожалению, в наше непростое время немногим талантливым молодым выпадает такая удача, поэтому появление подобной книжной серии можно назвать событием удивительным, беспрецедентным. И, конечно, нужно сказать о каждом из опубликованных начинающих отдельно, ведь их произведения, хоть и объединены одной серией, но абсолютно разные, как и их авторы.

Дмитрий Ханин, совсем молодой ещё человек, пытается заглядывать своим поэтическим взором в глубь жизни. Причём не пытается дать ответы, как некоторые, а пожалуй, и многие безапелляционные глассатаи истины. Ответов он не даёт. Он просто обитает на иных, сокровенных уровнях бытия. А там, где условия обитания для творческой личности усложнённые, и поэтические рефлексии не могут быть

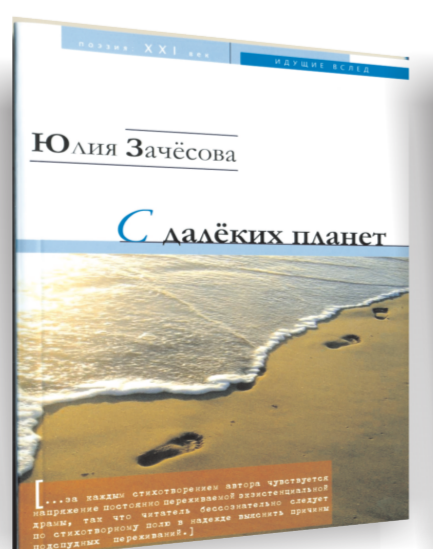
ординарными, иначе они просто не найдут слов для своего выражения. К счастью, Дмитрию Ханину удаётся находить важные и адекватные необычной среде слова, чем и заявляет о себе факт непрекращающихся поисков духа молодого поколения даже в нашу безобразно прагматическую эпоху.

В книге молодого волжского поэта Сергея Бударина представлены лучшие его стихотворения. Они о природе, о чувствах человека перед лицом вечных нерукотворных красот. Читатель не знает истоков восторгов и горечей автора, но все они проявляются, стоит ему урвать милье русские степи, реки, рощи и окна родного, с детства знакомого деревенского дома. Поэт молод, влияние на него такого, например, русского поэтического гения, как Есенин, очевидно. Но также очевидно, что в наш век интернета, космоса, нанотехнологий и других интеллектуально-творческих совершенств человек всегда остаётся сыном земли, сыном Родины, большой и малой.

Дмитрий Щёлоков — чистый, что называется, художник. Он строит образный мир своих произведений не с целью провести некую идею или утвердить концепцию. Им, как настоящим художником, владеет яркое эстетическое чувство. Он околдован красотой мира и её пленительной сложностью. Его проза — старания передать, воплотить в слова, обессмертить калейдоскоп жизненных явлений. Поэтому незатейливые, на первый взгляд, рассказы обладают магией. Ведь найти красоту, скрытую в повседневности, — значит заглянуть в тайну, всегда привлекавшую человечество.

Рустем Галиуллин обладает ясным, осознанным художественным взглядом на мир; это взгляд образованного молодого человека. Культура, впитанная автором, оказалась широкой в лучшем смысле этого слова и, что важнее, нашла отражение не только в его интеллектуальном восприятии действительности, но и в эмоциональном. Автор чувствует и глубоко, и широко. Степень дарования не вызывает сомнений в том, что Рустем Галиуллин сможет достичь значительных творческих и литературных высот.

От души поздравляем авторов с изданием книг и желаем им дальнейших творческих успехов!

Бударин С. Сторона речного ветра. Стихотворения. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 64 с.

Зачёсова Ю. С далёких планет. Стихотворения. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 144 с.

Галиуллин Р. Одиночество. Рассказы. Перевод с татарского Н.Ишмухаметова. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 72 с.

Щёлоков Д. Параллельный мир. Роман в рассказах. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 160 с.

Ханин Д. Встреча перелётную весну. Стихотворения. — М.: ИПО «У Никитских ворот», Главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 104 с.

Наталья ОБЪЕДКОВА,
ведущий редактор книжной серии
«Поэзия и проза: XXI век / Идущие вслед»